

М. М. Кондратенко

О семантических параллелях и заимствованиях в немецких и славянских диалектах

*Данная статья представляет собой изложение части результатов исследовательского проекта «Человек в диалектной картине мира». Реализация этого проекта стала возможной благодаря поддержке Германской службы академических обменов, которой автор выражает благодарность. Автор также выражает крайнюю признательность проф. Клаусу Штайнке и проф. Альфреду Клепшу (Университет Эрланген-Нюрнберг, ФРГ) за научно-методическую и организационную помощь

Статья посвящена изучению лексических заимствований и семантических параллелей в славянских и немецких диалектных обозначениях периодов времени и метеорологических явлений. Целью исследования, основанного на анализе принципов номинации и этимологии хрононимов и метеонимов, является выявление причин существования семантических параллелей между славянскими и немецкими диалектами.

Ключевые слова: понятие «время» в диалекте, изосемия, славяно-германские семантические параллели.

М. М. Kondratenko

About Semantic Parallels and Borrowings in the German and Slavic Dialects

The article is devoted to study lexical borrowings and semantic parallels in Slavic and German dialect denotations of the periods of time and the meteorological phenomena. The purpose of the research, based on the analysis of the principles of the nomination and etymology of khrononyms and metonyms, is to identify reasons of existence of semantic parallels between Slavic and German dialects.

Keywords: the notion "time" in a dialect, isosemy, Slavo-Germanic semantic parallels.

Понятие семантических параллелей, называемое терминологически изосемией, введено в активный научный оборот во второй половине 70-х гг. прошлого века и активно развивается в наши дни, прежде всего в балканистике. Контактные языки вообще дают интересную почву для исследования межъязыковых отношений, вызывая к жизни различные новые методы и принципы анализа. В связи с этим возникает вопрос: могут ли лингвистические феномены, постулируемые для языков, находящихся в непосредственном контакте (например, для болгарского и румынского или белорусского и литовского), быть в той или иной степени актуальными для генетически родственных языков, но достаточно удаленных друг от друга в географическом отношении, например, для славянских и немецкого? Ответ на этот вопрос мог бы затронуть явления, в некоторых случаях гораздо более древние, чем отмечаемые для балканских языков.

Между немецким и славянским диалектным материалом отмечаются случаи сходства как на лексическом, так и на семантическом уровне. Лексические совпадения в данных языках – ре-

зультат заимствований (например, лексема *schron* «изморозь» в немецких силезских говорах из польского *szron*). Однако между славянскими и немецкими диалектами существуют многочисленные семантические параллели (иначе: одинаковые принципы номинации понятия). В частности, это обозначение худой, тощей лошади в ярославских и средневосточнофранконских говорах – *кожевина* [5; вып. 5, с. 44] и *Häuter* (от *Haut* – кожа) [9, с. 87].

Каковы причины подобных совпадений или сходств между языками, состоящими в генетическом родстве, хотя и достаточно отдаленном? Существовавший некогда контакт между славянскими и германскими племенами на территории современной Северной Баварии не может объяснить всей совокупности этих фактов. В целом лексические и семантические совпадения между славянскими и немецкими говорами связаны, очевидно, с одной из трех причин:

- с наличием лексических заимствований,
- с параллелизмом (другими словами – независимостью) семантического развития,
- с общим индоевропейским происхождением.

Рассмотрение лексических заимствований под этим углом зрения менее проблематично в силу определенной генетической удаленности языков и, соответственно, различного облика лексем. Основной вопрос в таких случаях – источник заимствования – решается нередко путем анализа фонетического облика слова. Семантические сходства между славянскими и германскими лексемами на уровне принципов номинации, с точки зрения их причин, имеют гораздо более сложную природу.

В определенном смысле лексические заимствования также представляют интерес в семантическом плане, поскольку заимствование может быть обусловлено «слабостью» языковой/диалектной репрезентации определенного фрагмента понятийного поля, то есть особенностями семантической сферы языка/диалекта в целом. Так, среди различных заимствований в славянской хронимии обращает на себя внимание тот факт, что чаще других в обозначениях интервалов времени иноязычным является наименование астрономического часа: *ōro* в словенских резьянских говорах из итальянского [1, с. 10.], *saxam* в болгарских говорах из турецкого [2, с. 516], *šteňa* – в кашубских говорах из немецкого *Stunde* [8, с. 211]. Допустимо предположение, что наименование именно этого отрезка времени представляет собой «слабое» семантическое пространство в славянской диалектной логосфере. Этому явлению существует естественное экстралингвистическое объяснение: выделение в сутках часов – гораздо более позднее явление, чем языковая сегментация дня и ночи, рассвета и заката, поэтому здесь открываются более широкие возможности для иноязычного влияния. Однако можно предположить и некоторые сугубо лингвистические обоснования этого феномена.

Кашубское *šteňa* (нем. *Stunde*), в частности, наводит на мысль о существовании такой группы заимствований, суть которой – в проявлении древнейшего актуализируемого в номинации признака. Таким признаком для репрезентации разных граней понятия времени может быть состояние покоя, отсутствия движения.

Лексема *šteňa* «час» употребляется наряду с собственно славянским обозначением этого интервала времени – *goezena* [8, с. 43]. Для попытки ответа на вопрос о причинах такой синонимии

целесообразно обратиться к некоторым аспектам этимологии и лингвогеографии.

На большей части Славии для обозначения астрономического часа используются производные от праславянского **čas-*. Этимологически это существительное сближается с глаголом **česati* – «разделять, резать» [4; вып. 4, с. 27–30]. Почти повсеместно на славянской языковой территории у этой лексемы, помимо значения «время», фиксируется ряд других значений: «пора», «погода» и др. Наименования этого типа связывают астрономический час и время вообще, то есть глобальную категорию языкового мышления, синтезирующую единый образ широкого круга явлений.

В немецком языке существительное *Stunde* возводится к глаголу *stehen* – «стоять» [6, с. 894]. Интересно, что в лексике южнонемецких средневосточнофранконских говоров (или говоров Северной Баварии) в значении «время» зафиксирована лексема *Derweil* [9, с. 58], с корневой морфемой *Weil*, восходящей предположительно к и.-е. **kueie* – «находиться в состоянии покоя» [6, с. 980]. Образ «неподвижности, отсутствия изменений» лежит в основе других производных от этого корня: *dererweile* – «в это время», *Sitzweil* – «вечер»; *weilens* – «позже»; *allweil* – «всегда», «ныне, в настоящее время» [9, с. 156] (сходное семантическое явление также наблюдается в соседних западнославянских нижнелужицких говорах: *chyla* – одновременно «некоторое время», «минутка» и «свободное время, досуг» [7, с. 510]). В этом отношении также обращает на себя внимание семантическая мотивация наименования праздничного дня в восточнофранкских говорах – *Dult*, связанная с понятием покоя: из *dwelan* – «прекращать движение, застывать» [9, с. 220].

Таким образом, для немецкого обозначения астрономического часа в литературном языке характерна та же семантическая мотивация состоянием покоя (отсутствием движения), которая представлена в говорах Северной Баварии для обозначения времени вообще и свободного времени.

Обозначение астрономического часа *godzina* (*hodina*), характерное как раз для кашубских и других западнославянских говоров (с продолжением ареала на украинской и белорусской диалектной территории), является производным от праславянского **godъ* с реконструируемым зна-

чением «время», «пора», «час» [4; вып. 6, с. 187–188] и носит более локальный, по сравнению с рефлексам **čas*, с точки зрения лингвогеографии, характер. Возможно, именно локальный характер такой семантической мотивации послужил причиной ее лингвистической «слабости», а территориальная смежность языков стала условием для заимствования иноязычного (немецкого) слова в славянский кашубский диалект.

Таким образом, несомненное лексическое заимствование из немецкого в кашубский, возможно, обусловлено реализацией за счет иноязычной лексемы древнего архетипа представления времени как состояния покоя.

В этом отношении возникает вопрос, не имеют ли подобной семантической подоплеки и другие заимствования, на первый взгляд сугубо лексические, например, *štek čas* – «период времени» в кашубских говорах [8, с. 200] (буквально: «кусочек» времени) из немецкого *Stück*. При большом количестве языковых единиц, уподобляющих время пространству (локусу) как в славянских, так и в германских говорах, это словосочетание, с точки зрения семантической мотивации, выделяется на общеславянском фоне.

Нельзя не обратить внимания также на некоторые «цветовые» обозначения рассвета в исследуемых говорах, в частности на обозначения процесса наступления дня, производные от слова со значением «серый»: *grauen* (буквально: «становиться серым») в говорах Северной Баварии [9, с. 80] и *шараць* (с той же семантической мотивацией, то есть «принимать серый цвет») в северо-западных белорусских говорах.

Видимо, большую часть отмеченных семантических параллелей все же следует отнести к случаям независимого семантического развития того признака понятия, который актуализируется в номинации. Это может быть обусловлено как общими семантическими архетипами, так и различными внеязыковыми факторами, например, сходством в видах хозяйственной деятельности, метеорологических условий и пр.

Что касается исследования заимствований, то оно может осуществляться в разных направлениях: в соответствии с ареалом их распространения, с делением на семантические и лексические, а также по другим критериям (например, по предложенному В. В. Мартыновым различению заимствований и проникновений [3]). Но в лю-

бом случае всегда очень важны условия и причины вхождения в один язык элементов другого.

Зачастую эти аспекты заимствований из немецкого языка в славянские представляются довольно прозрачными. Так, заимствованные наименования религиозных праздников в диалектах лужичан, проживающих в Германии, например, *balabnica* «вербное воскресенье» из немецкого *Palmsonntag* [7, с. 12], можно объяснить немецким культурным влиянием. Однако отдельные заимствования, с точки зрения условий и причин их реализации, скрывают немало загадок.

В частности, это касается лингвогеографических аспектов распространения заимствований. В северо-западных белорусских говорах, достаточно удаленных территориально от немецких, отмечен глагол *шуфляваць*, обозначающий выпадение снега в виде крупных мокрых снежинок. Речь идет о производном от немецкого *Schaufel* – «лопата». Другими словами, падающий влажный снег представляется как кидаемый лопатой. Это необычный образ данного метеорологического явления, тем более удивительный, что другие славянские его обозначения демонстрируют огромное количество метафор и сравнений. Повидимому, образ снега «как набрасываемого лопатой» мог проникнуть в белорусские говоры через польское посредничество.

Таким образом, отмечая сходство между славянскими и германскими диалектами, нельзя не обратить внимание не только на лексические совпадения (обусловленные заимствованиями), но и на семантические параллели. Исследование последних, при условии тщательного анализа причин их существования, способны дать интересные результаты в сфере номенклатуры семантических архетипов индоевропейских языков.

Библиографический список

1. Бодуэн-де-Куртенэ, И. А. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. I. Резьянские тексты [Текст] / И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1895. – 238 с.
2. Български етимологичен речник. Т VI [Текст] / Български етимологичен речник. – София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2002. – 886 с.
3. Мартынов, В. В. Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян [Текст] / В. В. Мартынов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 112 с.

4. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд [Текст] / под ред. О. Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974–2005.

5. Ярославский областной словарь : учебное пособие : в 10 вып. – Ярославль: ЯГПИ имени К. Д. Ушинского, 1981–1991.

6. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 24. Auflage [Текст] / F. Kluge – Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2002. – 1119 с.

7. Muka A. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. Выпуск I [Текст] / A. Muka – Петроград: Академическая двенадцатая государственная типография, 1921. – 992 с.

8. Ramułt S. Słownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego / S. Ramułt – Krakow: Nakładem Akademii umiejętności, 1893. – 323 с.

9. Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken / Wörterbuch von Mittelfranken – Würzburg: Königshausen&Neumann, 2001. – 224 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Boduehn-de-Kurteneh, I. A. Materialy dlya yuzhnoslavyanskoj dialektologii i ehtnografii. I. Rez'yanskie teksty [Текст] / I. A. Boduehn-de-Kurteneh. – SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1895. – 238 с.

2. B"lgarski etimologichen rechnik. T VI [Текст] / B"lgarski etimologichen rechnik. – Sofiya: Akademichno izdatelstvo «Prof. Marin Drinov», 2002. – 886 с.

3. Martynov, V. V. YAzyk v prostranstve i vremeni. K probleme glottogeneza slavyan [Текст] / V. V. Martynov. – М.: Editorial URSS, 2004. – 112 с.

4. Ehtimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskij leksicheskij fond [Текст] / pod red. O. N. Trubacheva. – М.: Nauka, 1974–2005.

5. YAroslavskij oblastnoj slovar' : uchebnoe posobie : v 10 vyp. – YAroslavl': YAGPI imeni K. D. Ushinskogo, 1981–1991.

6. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 24. Auflage [Текст] / F. Kluge – Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2002. – 1119 с.

7. Muka A. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. Vypusk I [Текст] / A. Muka – Petrograd: Akademicheskaya dvenadtsataya gosudarstvennaya tipografiya, 1921. – 992 с.

8. Ramułt S. Słownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego / S. Ramułt – Krakow: Nakładem Akademii umiejętności, 1893. – 323 с.

9. Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken / Wörterbuch von Mittelfranken – Würzburg: Königshausen&Neumann, 2001. – 224 с.